

ЗАМЕНА МЕСТОИМЕНИЙ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ЛИЦА ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ: К ПРОБЛЕМЕ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ СЛОВ

Ю. С. Степанов в известной книге [4] высказывает, по его мнению, «еретическую» мысль: имена собственные должны быть отнесены к классу эгоцентрических слов [4, с. 234]. Термин *эгоцентрические слова* обозначает языковые элементы, ориентированные на говорящего субъекта. Традиционно [1] к эгоцентрическим словам относят дейктические средства, отражающие позицию производителя речи (*я, ты, здесь, там, сейчас* и т. п.). При широком понимании термина [2] в состав эгоцентрических слов включаются также разнообразные показатели субъективной модальности (вводные слова и т. п.). Ю. С. Степанов относит имена собственные к эгоцентрическим словам на том основании, что «собственное имя индивида является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида – «Я», который обозначает первого» [4, с. 234]. Можно было бы пойти дальше и заметить, что многие аспекты речевой деятельности отражают волю говорящего и обозначают его таким образом, тогда любое слово можно считать эгоцентрическим, что вряд ли является правомерным.

Но оказывается, что в определенных ситуациях имя собственное может употребляться при обозначении адресанта или адресата речи вместо классических эгоцентрических слов – местоимений 1-го или 2-го лица. Например: *История литературы будет писаться по чьим угодно свидетельствам, только не по Вашим. Будет считаться, что переписывались Вы только с Ефимовым, потому что в наших железных ящиках папки хранятся надежно, как в КГБ* (И. Ефимов – С. Довлатову, 1.10.1984). В данном контексте лексема *Ефимовым* используется вместо местоимения *мною*. Почему же оказывается возможной замена личного местоимения 1-го или 2-го лица именем собственным? Для ответа на этот вопрос мы обратились к частным письмам писателей XX в. (Л. Чуковской, С. Довлатова, И. Ефимова и др.).

Стандартные эгоцентрические слова, к которым относятся местоимения *я* и *ты*, могут существовать только *здесь* и *сейчас*, в конкретной ситуации общения. А замена личного местоимения именем собственным, на наш взгляд, может указывать на выход за границы

коммуникативного акта. Письмо как средство общения существует лишь в момент создания и прочтения, вследствие этого оказывается возможным употребить оным вместо личного местоимения при фиксации события, не относящегося к актуальной коммуникативной ситуации. Приведем пример: *С другой стороны, я сразу подумал: если что-то изменится, я позвоню **Ефимову**, он не спесивый, скажет: «Конечно, приезжайте»* (С. Довлатов – И. Ефимову, 21.05.1986).

Любое употребление средств 3-го лица в значении 1-го представляет собой «искусственное самоотстранение говорящего», цель которого – объективация субъективного сообщения [см.: 6, с. 113]. Избирая такую стратегию при ведении спора, говорящий придает больший вес своим словам, которые приобретают статус объективной истины: *Мне кажется, **Ваше** последнее письмо (от 6 января) обращено не ко мне, а к тому воображаемому литературоведу, который когда-нибудь да заглянет в нашу пыльную переписку из двух американских углов. <...> Но так как я тоже верю в этого гипотетического, еще не рожденного, литературоведа и тоже, по мелочному тщеславию, дорожу его мнением, придется уточнять по пунктам. 1. 9 ноября 1985 г. **Сергей Д.** позвонил **Игорю Е.** (не то чтобы я держал в памяти сию роковую дату, но на следующий день было написано письмо по поводу этого звонка, хранящееся в архиве) и заявил, что намеченный визит означенного **Игоря** с женой к нему, **Сергею Д.**, отменяется <...>* (И. Ефимов – С. Довлатову, 13.01.1989).

Наоборот, употребление онима вместо местоимения я при передаче чужой речи может сигнализировать о том, что автор не согласен с воспроизводимой им точкой зрения. Пример: *Вы могли заметить – среди прочих – одну мою физиологическую придурь: я должен выпасться после обеда, если вечером мне предстоит какая-то работа, требующая сосредоточенности. И это не то, что «**Ефимов** любит, видите ли, вздремнуть после обеда»* (И. Ефимов – С. Довлатову, 10.11.1985).

С семиотической точки зрения, и имена собственные, и личные местоимения – пустые знаки, ярлыки: вне контекста они ничего не говорят о своем референте. При функционировании онимов в речи на первый план выходит энциклопедическая информация, «связь имени с объектом (и понятием объекта) и комплекс эмоций, связан-

ных у говорящего с именуемым объектом» [5, с. 261], происходит своеобразное отождествление слова и предмета [см.: 3, с. 68]. Необходимо учитывать, что «мысленные досье» [7, с. 47] носителя имени, то есть знания и мнения о нем, у разных индивидов, в том числе у говорящего и у слушающего, могут отличаться. Поэтому использование онима вместо местоимения 1-го лица при передаче чужого взгляда на ситуацию является естественным и закономерным. В таком случае можно говорить о расщеплении субъекта речи на истинное *я*, воплощающее представление говорящего о самом себе, и на образ себя в сознании другого индивида.

Своеобразие анализируемого материала (письма писателей) обусловило частотность особого типа контекстов, в которых имя собственное автора произведения (адресанта или адресата речи) заменяет притяжательное местоимение 1-го или 2-го лица. Приведем пример: *Прочитала Ваиу книгу с упоением – но «прочитала» это не то слово, а круглосуточно нахожусь в состоянии восприятия стихов Самойлова* (Л. Чуковская – Д. Самойлову, 01.08.1974). Художественный текст отчуждается от создателя и начинает функционировать как самостоятельное явление. Этот феномен описан в психологии творчества: автор «может ощущать дистанцию между произведением и собой как его автором («Сегодня, когда я пишу, – я гений») и самим собой вне этого произведения («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон») [1, с. 159–160].

Итак, замена местоимений 1-го и 2-го лица именами собственными указывает на границы как коммуникативного акта, так и самого субъекта речи. Описанное употребление онимов иллюстрирует то, какая информация является актуальной для говорящего, какому сообщению он хочет придать больший вес, а также маркирует отличное от своего мнение. В таком случае имена собственные действительно являются элементами, ориентированными на говорящего субъекта, и их можно отнести к эгоцентрическим словам.

1. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.

2. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.

3. *Ратникова И. Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Мн., 2003

4. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

5. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
6. *Химик В. В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л., 1990.
7. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.